

«Княжна Мэри» — так прозвали Тамару в заводской лаборатории. Почему жизнерадостной ясноглазой хохотушке, настойчивому и последовательному экспериментатору, наконец, «железному проф-оргу», перед которым пасуют самые недисциплинированные члены профсоюза, почему этой девушке присвоили имя лермонтовской героини?

В то утро, как только прозвучал звонок на перерыв, Тамара, стараясь заглушить поднявшийся гамон, крикнула:

— Девушки! Ребята! Слушайте!

И, раскрыв журнал, внятно прочитала:

«Я люблю вас». Кто первый придумал три слова, что звучат и донные так странно и ново?

Знаю только одно: что когда-то давно, в очень древние дни где-то парень и девушка жили и любили друг друга они, как с тобой мы друг друга любили...

Не такая уж Тамара мастерица читать стихи. Но задушевные строки канадского поэта коммуниста Джо Уоллеса, чудесно переведенные С. Маршаком, заставили остановиться на пороге даже тех, кто спешил в столовую.

Отзвучала заключительная строчка стихов.

Первым нарушил молчание Ростислав, прослышавший в лаборатории самым упорным «оппонентом» Тамары:

— Прекрасные стихи! Как литературное произведение они вполне устраивают меня. Даже трогают. Но «княжна Мэри» прочитала их нам неспроста. Снова хочется прогнать нас, толстокожих химиков двадцатого века: станьте, дескать, лириками; поймите, как нужно говорить девушкам о любви; займитесь, серые люди, лучшие образцы литературы...

Ростислава поддержала Маша Топорина (это она дала Тамаре прозвище):

— Ох, Тамарка! И как тебе не надоест воспитывать из нас тургеневских девушек! Строй из себя княжну Мэри — авось, кто-нибудь да объяснит тебе в любви полдермонтовски. А мы — обыкновенные девушки. Знаем: кино есть кино, а жизнь есть жизнь. И ничего кинематографического от жизни не требуем. Нас ждет любовь без... ну, как это сказать? Без лирики...

«Любовь без лирики». Маша даже не подозревает, что в какой-то мере перепевает левомещанских «бардов» двадцатых годов, воспевавших любовь «без черемухи». Их литературной базой было одноименное сочинение Пантелеймона Романова, пошлый рассказ, высмеивавший поэтическое, возвышенное, просто чистое проявление чувств.

И все-таки в стихийной дискуссии, завязавшейся в заводской лаборатории, большинство оказалось на стороне «княжны Мэри».

Я вспомнил об этом, размышляя над объемистой пачкой пришедших в редакцию писем. Женщины, написавшие их, не вчерашние школьницы, они старше «княжны Мэри» и ее подружек и гораздо больше испытали в жизни. Каждое письмо — это рассказ о неудавшемся супружестве, о разбитой семье. Одни пишут сухо и сжато, другие — цветисто и странно. Одни чего-то не договаривают, другие в порыве негодования и обиды выплескивают все подробности. Но ни одно письмо не может оставить нас равнодушными. В самом деле: разрушенные

семьи, брошенные жены, прочерки в метриках детей...

И все же, вчитавшись в эти письма, нельзя не заметить одной странной закономерности: речь-то в них идет не о попорченной любви, а, честно говоря, о разбитом сожигательстве — простите за такой, не очень-то привлекательный термин! Ни в одном письме не нашел я строк — пусть самых коротких — о том, как «он» и «она» полюбили друг друга, как им тяжело было жить порознь, какой невыносимой стала для них разлука.

Вместо этого: «Мы сошлись для совместной жизни...».

«Я его пожалела и приняла к себе...».

«Он согласился зарегистрироваться со мной...».

«Подружили и объединились, хотя он был тогда женат...».

«Решила выйти замуж».

И по первому же побуждению хочется спросить тех, чьи письма лежат передо мной:

— А вам говорили, что вас любят?

Впрочем, отрицательный ответ вытекает из самих писем. Вот почему отпадает второй вопрос, который следовало бы задать; а вы чувствовали, что вас любят?

Читательница Капитолина П. горько жалуясь на человека, бросившего ее с ребенком, прислала в редакцию его письма к ней. Зачем? Очевидно, с целью доказать его подлость. Эти послания написаны в первые недели знакомства. Однако, даже вооружившись микроскопом, в них не отыщешь хотя бы самого отдаленного признака подлинного чувства. Трудно поверить, чтобы это не бросилось в глаза самой Капитолине. И тем не менее его расчетливые, деловые отписки не побудили ее прекратить всякие отношения с «ним». Она старается ценой унижений удержать подле себя не любящего ее человека, она становится матерью. Все это тем печальнее, что речь идет о женщине, ранее уже познавшей горечь неудачного брака.

Сочувствуя Капитолине П., я все же не могу отделаться от мысли: если бы Капитолина разделяла взгляды «княжны Мэри», если бы она была духовно требовательнее к отцу своего будущего ребенка, если бы он с первой же встречи ощутил чистоту ее воззрений на любовь, на брак, на семью...

Я это говорю отнюдь не в оправдание негодяя, бросившего своего ребенка. Еще меньше склонен я предположить, что Капитолине прином поведении удалось бы перевоспитать этого типа. Но она могла уберечь себя от связи, принесшей столько горя ей и омрачившей детство ее сына!

А на фельдшерницу Ольгу Т. произвело сильное впечатление замужество младшей сестры: «Она ведь моложе меня на четыре года! А мне уже двадцать шесть!». И Ольга вышла замуж за человека, которого после случайного знакомства знала в общей сложности четырнадцать часов.

Конечно, ни о какой любви Ольга так и не услышала. Сейчас, оправдывая себя, она объясняет: «Знаете, как девушки боятся клички «старая дева»? Считается, что разведенная жена — это не такой удар по самолюбию, как старая дева».

Нем «считается»? Почему «считается»? С автором этого письма, москвичкой, мне захотелось поговорить лично.

И вот я гляжу на Ольгу — милостивую девушку, воспитанную и поставленную на ноги дружной

рабочей семьей, справедливо слышную в медицинском техникуме комсомольской активисткой, и пытаюсь найти ответ на вопрос: откуда у нее такие «взгляды», взятые напрокат из морального арсенала воинствующих мещан и убежденных пошляков?

Не этими ли взглядами отравлена и читательница Серафима В.? Из печальной повести своего не удавшегося замужества она в своем письме с горечью делает вывод: «Любовь, как таковой, нет. Есть увлечение».

Она прямо так и пишет: «Он в первый же вечер увлекся мною, и мы стали жить как жена и муж».

Предвижу возражения:

— Не обвиняйте Серафиму! Еще со времен Шекспира известна любовь с первого взгляда.

Согласен, бывает и так! Но Ромео при первой же встрече пылко и вдохновенно объяснился Джульетте в любви.

А скажем, Бэлла Ш., как отчетливо видно из ее письма в редакцию, не дождалась такого признания от человека, с которым «в конце концов договорились пойти в загс». Но парень под любым предлогом «оттягивал регистрацию брака», а затем сбежал с завода, где они вместе трудились. «Он испугался моей любви», утверждает сейчас молодая женщина. Но как же вы, Бэлла, не испугались выйти замуж без его любви? И зачем вам такой брак? Не оправдывая подленького человека, от которого сейчас растите ребенка, все же надо сказать: удовольствовались «договоренностью», как суррогатом любви, вы сами вызвали у полюбившегося вам человека легкий взгляд на связь с вами.

Недавно мне довелось выступать в студенческом общежитии. Меня попросили рассказать о замысле новой пьесы. Я начал с характеристики героини — красивой и содержательной девушки, свято запомнившейся столь дорогие Зое Космодемьянской слова Н. Чернышевского: не давай поцелуя без любви. Так и прожила она до тридцати лет, пока не встретила...

— Уж очень не типично, — прервала меня чья-то реплика.

— Почему?

— Потому что вы сказали — красивая, — отозвался другой голос. — Что ж, она сама пожелала в старых девах остаться, что ли?

Несколько человек выступили в защиту взглядов моей героини. Это были преимущественно студентки.

— Я знаю, — стараясь сдержать

горячность, сказала одна, — кто здесь считает меня «не от мира сего». Их дело! А я уверена: цельная натура ни за что не согласится на полчувство, полулюбовь! И никакие шуточки насчет «стародевчества» не заставят ее выйти замуж без настоящего взаимного чувства. Взаимность — слово затрепанное, сухое, а в нем столько заветного, большого, важного! Оно исключает скидки и компромиссы...

Скидки и компромиссы... Не согласились ли в какой-то мере на них те, кто сегодня вместо слов «Мы полюбили друг друга» пишет: «Мы сошлись с ним», «Он согласился зарегистрироваться со мной»? Эти женщины сами обидели свои чувства, превратили дорогое в дешевое, примирились с тем, что голая чувственность, иногда еще сдобренная грубыми расчетами, заменила им высокую, поэтическую — без преувеличения — одухотворенность, которой всегда окружена искренняя любовь!

Конечно, самые пылкие признания в любви не могут стать страховым полисом от неудачной семейной жизни. Больше того, есть, как пишет Капитолина П., мастера «заливаться соловьем», которые не полезут в карман за подходящей и заранее вызубренной стихотворной цитатой.

Но, мне кажется, как раз женщина, чье сердце раскрыто для чистых чувств, для подлинной любви, безошибочно сумеет различить расчетливое и пошлое в самых цветистых фразах.

Такая женщина сразу ограждает себя невидимым, но ощутимым барьером душевной цельности, заставляющим призадуматься самого отъявленного «сердцеда». А в человеке честном такая требовательность вызывает уважение к женщине и ответственность перед ней.

И может быть, по-иному сложилась бы личная жизнь многих женщин, ныне приславших в редакцию свои горестные письма, кабы они не пренебрегли «лирикой» в первые дни знакомства с теми, на вероломство и безответственность которых сетуют сейчас.

Видно, все-таки не очень-то крепка любовь, зарождающаяся без поэзии, без идущего из глубины сердца признания, когда девушка так и не слышит из уст будущего мужа и сама не произносит в ответ

Три бессмертных,
Доверчивых,
Ласковых слова,
Как далекий,
В сердцах отдающийся звон...